

Галина Хэндус

Галина Хэндус – прозаик, публицист. Родилась в России, с 1998 года живёт и работает в Германии. Автор книг: «Берег другой жизни», «Отношения», «След Хамелеона», «Бумеранг из детства», «Музей Совесть», «Долгая жизнь, короткая смерть».

МУЗЕЙ СОВЕСТИ

Отрывок из романа

Работы с каждым годом не убавлялось, а добавлялось. Список очередников, желающих получить свой портрет, удлинялся. И это несмотря на возвращаемые мне картины.

Некоторые из моих клиентов, вернув «испорченный» портрет, заказывали новый, не желая ждать возвращения прежнего после, по их убеждению, реставрации. Они и не догадывались, что отреставрировать их судьбу, вылезавшую грязными пятнами на картине, я не в состоянии. Им, богатым и успешным, легче было выдать эти страшные пятна за мои ошибки, якобы мою небрежную работу, плохие, некачественные краски. Небрежность карманного художника, которую можно легко исправить, положив сверху дополнительно несколько хрустящих купюр. *Им, моим заказчикам, никак не хотелось видеть в мерцающих теневых всполохах грязь, прилипшую к их душе.* Грязь, в которую они добровольно окунулись и барахтаются в ней, не в силах ни вылезти из неё, ни отмыться. Они не хотят видеть в своих испорченных портретах органичную часть своей прожитой жизни.

Её худшую часть. Её упрек. Её Совесть.

Может быть, я не прав, и они прекрасно знают о происхождении портретных призраков, но надеются, что именно я смогу их уничтожить, положив сверху несколько толстых мазков? Не могу понять: то ли мои клиенты действительно могут так наивно думать, либо... Либо это я такой наивный. Наивный – потому, что хочу хоть чем-то помочь тем, кто не хочет сам себе помочь и измениться в лучшую сторону.

В нашей галерее собралось за несколько лет более тридцати красиво выполненных портретов, присланных заказчиками назад. Портреты каждый день смотрели на меня, молчаливо спрашивая о своей судьбе. Я не знал, что же им ответить. Они не были виноваты в том, что отражали перевёрнутый и злой мир. Отражали тайную лживую сторону жизни изображённых на картинах персонажей.

В моей жизни наступил период серьёзных размышлений. Сегодня у меня есть, кажется, всё – успех, деньги, молодость, здоровье, семья, любимая работа. Но в то же время чего-то не хватает. Новая цель? Тоже есть, но я пока не совсем уверен, что именно она – единственно верная. Да и возвращённые картины висели надо мной дамокловым мечом, мешая двигаться вперёд. Голова гудела от мыслей и искала правильные решения, пока однажды...

– Отец! У меня родилась идея! Кажется, я знаю, что нам делать с этими портретами. Как ты помотришь на то, чтобы на время закрыть галерею для посетителей и открыть вместо неё небольшой музей?

– Музей вместо галереи? Благотворительность вместо бизнеса? Странная идея пришла в твою гениальную голову.

– Ну, не преувеличивай насчёт гениальности. Голова у меня самая обыкновенная. Впрочем, как и идея. Объясню по порядку. Ты же понимаешь, переписывать качественно написанные картины я не собираюсь. Это лишняя и никому не нужная работа. Трата сил, денег, времени. Силы и время – мои, деньги – моих заказчиков. Они охотно предлагают свои деньги. Не считают. Но зачем обманывать людей и вновь заставлять их платить за то, что я уже и так хорошо сделал? Сэкономим на душевных

волнениях. К тому же я не уверен, что подретушированный или перерисованный портрет не преподнесёт нам подобного сюрприза. Я решил, что лучше мы с тобой откроем музей и назовём его «Музей Совести».

В нём будут висеть только картины «с дефектами». Но не моей работы, а с дефектами жизни заказчиков этих полотен. Каждый из вернувших мне картину должен быть абсолютно уверен, что выступившие на ней тени прошлого видит только он один. То, через что он когда-то переступил – солгал, предал, обманул, убил, принадлежит только ему одному. Это он совершил что-то плохое, подлое, неуютное людям, и только он один должен жить с этим знанием. Это его жизнь и его Совесть.

Неожиданно проснувшаяся Совесть, не дающая теперь покоя душе.

Что ты скажешь?

– Боже мой, сынок, я повержен! Твоя идея действительно гениальна! Музей Совести! Название самое подходящее. Как хорошо придумано!

– Спасибо, Отец, мне самому нравится эта идея.

– Подожди, как же ты хочешь выставить картины с призраками?! Не будет ли это балластом для остальных посетителей?

– Другие посетители увидят профессионально написанные портреты. Кроме самого владельца картины никто заглянуть внутрь и распознать волнения его души не сможет. Ты же знаешь. Зловещая тайна скрыта от посторонних глаз.

– Верно. Тогда как же быть с нами? Ведь мы-то это видим и знаем? И потом, картины постоянно прибывают, ты рисуешь новые, но и среди них начали появляться призраки. Однажды нам может не хватить стен нашей галереи. Что тогда?

– На последний вопрос я не готов ответить. Впрочем, наш музей всегда можно расширить – прикупить соседнее помещение или найти новое, попросторней. Что же касается нашего тайного знания, то оно останется с нами. Мы с тобой решили много лет назад, что незачем о портретных метаморфозах рассказывать кому-то ещё. О портрете моей бабушки знали только мы трое. Аркадий Рэмович умер. Теперь нас осталось двое, и мы просто промолчим. Для нашей сегодняшней безопасности. Молчание – не ложь, и, следовательно, мы никого не обманем. Не так ли?

– Наверное, ты прав: молчать – не обманывать. Ты хорошо подумал. Хвалю. Но почему же ты хочешь закрыть галерею только на время? Чтобы потом вновь открыть её? Ты не уверен в своём новом проекте с музеем? Сплошные вопросы, ты уж извини, всё так неожиданно...

– Отец, не нужно извиняться. Мне понятны твои вопросы и твоё нетерпение. Попробую ответить, но у меня, к сожалению, у самого нет пока полной и ясной картины. Я в самом начале пути, многое мы должны обдумать вместе. Без твоей поддержки мне не справиться.

– Понимаю, но я задал простой вопрос...

– Да, конечно, на него я отвечу. Галерея будет закрыта временно только потому, что ничего вечного в жизни, кроме смерти, не бывает. Ты же сам меня учил. В одном ты прав: в расширении проекта с музеем я действительно не очень уверен, потому что не знаю, как поведут себя картины дальше, при стечении большого количества людей. Каждый, кто придёт сюда, принесёт с собой муки собственной Совести. И очень сложно предположить, как отреагируют на этот шквал эмоций картины, собранные вместе под одной крышей. Не получится ли такого же эффекта, когда картина Артёма начала истекать кровью Совести своего хозяина? Но это единственное, чего я опасаясь. Хотя не думаю, что это может случиться. Молния не ударяет дважды в одно дерево. Вряд ли возможно, что кто-то из посетителей сможет увидеть призраки других картин... Что скажешь ты?

– Ты не прав, мой мальчик. Каждая из твоих картин индивидуальна и принадлежит её владельцу. В то же время она является отражением только его дурных поступков. Его неожиданно пробудившейся Совести. Другие люди никоим образом не смогут отгадать секрет, скрытый от них в других полотнах. Не беспокойся об этом. В данном случае каждый несёт за спиной собственный рюкзак и для рюкзака соседа у него ни теоретически, ни практически нет места. Каждый отвечает только за себя в этой жизни. Никто не посмеет ткнуть в него пальцем, кроме него самого, кроме его собственной Совести. Звучит замечательно, только вслушайся: «Музей Совести» как отражение внутреннего мира человека, скрытого от других. Поздравляю тебя с замечательной идеей!

Не скрою, такое признание приятно. Одним махом я мог освободиться от большой проблемы, мучающей меня. Хотя то скрытое, что я видел на картинах, не имело ко мне никакого отношения, я чувствовал себя каким-то образом причастным к пробудившейся Совести моих героев. Мне не нужен этот балласт. Это знание. Но, видимо, Господь дал мне зачем-то мой талант – открыть людям глаза, и я обязан выполнить мою миссию. Как, где, каким образом – точно я не знал, но двигался вперёд, полагаясь на интуицию и советуясь с мудрым Отцом. Ведь он тоже был послан мне свыше совсем не зря.

Итак, мой проект утверждён на семейном совете. Теперь можно приниматься за дело. Меня, нас ждала большая работа. Вначале нужно официально, по бумагам провести процедуру превращения галереи в музей. Большая и нудная бюрократическая работа. Работа не за совесть, не за страх, а просто за деньги, которые за такой ничтожный труд даже не положены. Ну да ладно с деньгами, если кто-то от этого станет счастливее...

К нашей с Отцом великой радости, для получения разрешения городских властей нам нужно было оформить только два документа. Но к этим документам приложить ещё с десятков весьма важных справок. Параллельно мы заказали новую вывеску. Разработали рекламные проспекты и небольшой красочный каталог. Но прежде всего пришлось, и совершенно правильно, испросить согласие наших клиентов. Письменно мы уведомили каждого из владельцев присланных мне портретов о нашем проекте. Пригласили их посетить галерею и подтвердить, согласуется ли отведённое картине место с их желанием. Нам нужно было получить дозволение каждого владельца картины на её экспозицию в музее, поэтому приходилось скрывать своё знание и цель под вежливыми витиеватыми предложениями.

Все приглашённые, как один, побывали в галерее, внимательно осмотрели не только свою, но и все остальные картины. Каждым из моих заказчиков двигали два чувства: любопытство и страх. Вполне понятные человеческие чувства.

Мы с Николаем Львовичем внимательно наблюдали за посетителями. Что интересно, все они вели себя одинаково. Все. Без исключения. На другие портреты они несколько раз быстро бросали взгляд. Подходили ближе. Видели то, что изображено, осматривали ещё раз, но мыслями были где-то далеко. К своим подходили не спеша и простаивали перед ними долго. Вглядывались в каждый миллиметр. Брали в руки принесённую с собой или позаимствованную у нас лупу. Не доверяли своим глазам. Никак не верили, что другим посетителям совсем не видны явные «ошибки» художника. Пытались уличить меня в каком-то хитроумном обмане. Каждый из них подходил ко мне и задавал единственный вопрос:

– Неужели вы не видите этих непонятных пятен?

Посторонних лиц?

Чужих рук?

Не принадлежащих портрету предметов?

Не слышите странные звуки?

Непонятные голоса?

– Нет, – отвечал я. – Я вижу перед собой только хорошо написанную картину. Странно, но никто не видит и не слышит того, что видите или слышите вы.

Возможно, свет падает не с той стороны? У вас устали глаза? Что-то с давлением? Видели ли вы то же самое дома? Стали ли эти пятна светлее или ярче? Может быть, часть их исчезла?

Видимо, вам послышался шум с улицы – картины пока не могут разговаривать (здесь: виноватая улыбка художника, ободряющая заказчика).

Впрочем, всё может быть, и вы видите то, чего не вижу я, художник.

Смысла вас обманывать нет. Возможно, вас подводят ваши же глаза.

Переутомление. Усталость. Большой объём работы. Стресс (здесь: улыбка сопереживания).

Я – дорожу своим именем и своими клиентами.

Ваша картина, на мой взгляд, осталась такой, какой я её написал.

Не разрешите ли на короткое время выставить её в нашем Музее Совести и проверить, как она поведёт себя

– при изменившейся влажности,

– в другом помещении,

– при большом наплыве посетителей,

– среди других картин?

Вполне возможно, что тогда пятна, мешающие вам, исчезнут сами по себе.

К нашему взаимному удовольствию. Вы сохраните свой первоначальный портрет. Я – своё имя (здесь: улыбка уверенного в себе профессионала).

После такой дипломатической беседы я всегда получал согласие на экспозицию картины в нашем музее.

Люди предпочитали верить не себе, а утверждениям, что я не вижу ничего из того, что им колет глаза и не даёт спокойно заснуть. И они тут же начинали посыпать сахарной пудрой успокоения свою Совесть, которая в очередной раз пыталась вылезти из укрытия и напомнить хозяину или хозяйке о неблагоприятном поступке.

Утопив Совесть в сладких заверениях и обещаниях, они, криво улыбаясь, быстро задавали следующий вопрос, вызывающий подозрение:

– А почему музей называется так странно? Неужели нельзя было назвать как-нибудь проще? Каким образом он связан с совестью? И почему ваша «Совесть» пишется с большой буквы?

Мне хотелось крикнуть каждому из них: «Это не моя, а ваша Совесть! И написал я её с большой буквы именно для вас, слепых и глухих, чтобы вы проснулись и задумались наконец-то о своей жизни! Задумались о том, почему именно сейчас, глядя на собственный портрет, вы лишились сна и покоя. Почему именно сейчас задумались о причинах собственного беспокойства. Очнитесь и оглянитесь назад, признайте совершённое когда-то зло и хотя бы попытайтесь что-то исправить!»

К сожалению, я не мог никому из них сказать правду. Да они и не нуждались в ней. Привыкшие лгать, хитрить, изворачиваться, мои клиенты ожидали и от своего окружения услышать только те слова, которые им бы понравились. И совсем не обязательно эти слова должны отражать истинное положение вещей. Именно поэтому пришлось опять придумывать легенду. Заранее. Как тогда, много лет назад, для соседей Николая Львовича.

Легенда получилась тяжеловесной, не очень складной, но её слушали охотно. Солидно кивали головами, снисходительно соглашались, лукаво улыбаясь причудам художника, но – верили. И отходили, довольные. Никто не показал своей радости оттого, что Совесть – не про него.

– Вы знаете, господа, что людей привлекает всё необычное. Выходящее за рамки серого и обыденного. Именно поэтому мы и назвали наш музей не так, как все. Это своего рода эпатаж. Скандальное название. Но никому это название ни о чём не говорит. И одновременно говорит о многом. Каждый из нас, покупая конфеты, сначала видит фантик, а уж потом разворачивает саму конфету, не так ли? Это примерно то же самое, как... назвать, например, больницу «Голубой колодец». Или новый современный кинотеатр – «Кладбищенский карнавал». Нонсенс, вы не находите? Так вот, чем необычнее явление или название, чем ярче фантик, тем больше успех. Поверьте мне как профессионалу. Я знаю, о чём говорю.

Удивительно, но со мной соглашались даже самые трезвомыслящие, во всём сомневающиеся клиенты. И чем парадоксальней звучало моё объяснение, тем скорее они верили и оставались довольны, что к ним это не относится и ржавчина на их Совесть никому, кроме них, не заметна.

Мои слова не были ложью. Это лишь была не вся правда. Становясь профессионалом, учишься и этой стороне отношений. Попробуйте кого-то убедить в том, что недосказанная правда является ложью! Вы тут же найдёте как оппонентов, так и единомышленников. И у каждой стороны окажется правильный взгляд на это явление. И каждый будет прав, защищая свою правду. Правду полупустого стакана и правду стакана, наполненного наполовину.

Разрешение на открытие музея получено.

Стены двух больших просторных комнат галереи мы постепенно освободили от картин, предлагаемых к продаже, и их места заполнили портреты. Подготовительная работа хотя особенно и не обременяла, но заняла немало времени. В сентябре мне исполнялось тридцать два года. Открытие Музея Совесть мы приурочили к этой дате.

За два дня до волнующего мероприятия мы остались с Николаем Львовичем в галерее одни. Закрыли двери. Опустили шторы. Решили проверить и внимательно осмотреть ещё раз наши экспонаты. Нас обоих не отпускало чувство тревоги и одновременно – волнения, ведь музей стал нашим самым большим и рискованным проектом.

Лично меня ни на минуту не покидало ощущение, что скоро, совсем скоро я открою широкие двери, из которых хлынет яркий поток света, чтобы обласкать своими лучами моих больных детей. Освободить их от вериг долгих и мучительных болезней, в которых те неповинны. Мне, как крёстному отцу портретных призраков, хотелось по возможности быстрее распрощаться с коростами выросших на картины чужих грехов – ни один родитель не желает видеть своих детей ущербными. Любая же из моих картин была и осталась моим свершением, моим ребёнком.

Мы с Отцом вместе подходили к каждому портрету и долго всматривались в его изображение. Сердца наши сжимались от боли и сострадания. Но не к тем, кто смотрел нам прямо в глаза, а к бледным жертвам-призракам за их спинами.

Вот портрет пожилой дамы.

Она сидит, гордо откинув голову. В её слегка голубоватых, волной уложенных волосах сверкает диадема. Руки, лежащие на коленях, держат изысканный японский веер. Женщина одета в закрытое длинное бальное платье. Всё ещё красивая, с хорошей фигурой. Ухоженное, подтянутое лицо жёстко и холодно. Даже для портрета она так и не смогла улыбнуться. Хотя бы глазами. Всё это видит обычный зритель, и его притягивает к себе неприступность и необъяснимая тайна светской дамы, закутанной в горностаевый палантин. Глубокая тайна, скрытая за холодной красотой, за богатой оправой.

Мы же видим за её спиной несколько – раз, два... восемь детских лиц, протягивающих к ней свои тоненькие ручки. Дети смотрят на неё мёртвыми глазами, пытаясь достучаться до её жестокого сердца. Что же такое страшное могло произойти в жизни этой женщины? Кто эти дети? Как и при каких обстоятельствах столкнулись их жизни? Почему они мертвы? Она повинна в их смерти? Загадка, отгадку на которую знает только она. И проступившая на поверхность картины её Совесть. Проснувшаяся Совесть, робко выглядывающая из-за спин мёртвых детей.

Или вот – весьма импозантный мужчина средних лет.

Сидит, вольготно развалившись в большом кожаном кресле. Одна рука его касается цилиндра. В другой зажата дымящаяся сигара. Светлые до плеч волосы красиво лежат на стоячем воротнике парадного тёмно-серого фрака необычного покроя. Глаза хитро прищурены, на чётко очерченных губах – довольная улыбка. Он богат. Уверен в себе и своих силах. Это – его внешняя сторона, видимая всеми и вызывающая тайную зависть откровенной жизненной силой. Но и тут есть незаметный для других призрак, притаившийся в виднеющемся за спиной героя небольшом озере. Если присмотреться, можно увидеть в воде слабое отражение тела молодой женщины с накинутой на шею петлёй. Конец петли уходит под воду, а задушенная женщина лежит на берегу. Почему именно здесь? Какая причина заставила несчастную расстаться с жизнью? Накинул ли петлю ей на шею мой клиент или это сделал кто-то по его приказу? Отгадку на эту шараду знает только он, светловолосый улыбчивый «джентльмен». И проснувшаяся Совесть, воткнувшая ему прямо в сердце острую иглу неумолимой правды.

Перед нами портрет двух мальчиков-подростков. Симпатичные близнецы. Гордость успешного папаши-банкира. Они стоят, обнявшись, в красивых спортивных костюмах. Радостно смотрят вперёд в своё безоблачное будущее. В руке каждого из них – теннисная ракетка. На головах – модные бейсболки известной фирмы. Нескладные худощавые фигуры подростков не мешают им излучать взрослую уверенность. Будущие спортсмены-чемпионы. Или банкиры. Но в любом случае – счастливицы-богачи. За плечами этих благополучных мальчиков – котята и щенки, которые слабо повизгивают неслышными зрителям голосами. Что плохого могли сделать несчастные животные этим деткам?

Укусить? Царапнуть? Облаять?

Но даже за это разве можно отрубать животным головы папиным самурайским мечом?! А мальчикам, похоже, такая казнь доставляет большое удовольствие. Догадывается ли вечно занятый отец о кровавом развлечении своих обожаемых чад? Закрывает ли глаза на жестокое хобби или поощряет уроки охоты на зверей? Чужая семья – потёмки... У мальчиков ещё есть шанс перейти из категории кровожадных палачей в разряд обычных любящих и страдающих людей, потому что их Совесть проснулась. Поймут ли они правильно её укор?

О-о-о, знакомая молодая женщина.

Я помню её отца. Весьма строгий господин в смокинге с атласными отворотами. У него не только отсутствовали волосы на голове, но и недоставало приличного отношения к людям, имеющим денег меньше, чем он. При общении этот господин был высокомерным и громогласным. Всё хотел показать, что он – величина, остальные – ничтожество. В отличие от отца, дочь не умеет говорить громко. Но зато умеет исподтишка больно ущипнуть пожилую прислугу. Пнуть ни в чём не повинную кошку. Между делом больно наступить на хвост собаке. Обидеть собеседника тихо просвистевшим сквозь зубы бранным словом. Странно, что её портрет вернулся к нам. Мне казалось, что её уснувшая крепчайшим сном Совесть никогда не проснётся. Но она ожила вместе с убитым молодой матерью младенцем. Вот он, этот малыш, смотрит на нас полуслепыми, едва приоткрывшимися глазками. Только-только родившийся. Успевший прожить не больше двух дней. Завёрнутый в большой платок и брошенный на дно заросшего травой колодца на окраине города. Упавший в холод, мрак и сырость. Где совсем не место для младенца, рождённого для жизни. Страшная молодая женщина с не менее страшным началом жизненного пути. Разве достойна жалости хладнокровная убийца? Нет, только её невинная жертва достойна и жалости, и глубокого сочувствия.

Симпатичного господина-рыболова я помню слабо.

Вспоминаю место, куда он меня привёз, чтобы показать реку. Райский уголок природы, не испорченный цивилизацией и дикими туристами. Мечта для любителей летнего отдыха. Рыбалка – хобби моего заказчика. Отдых от тяжёлой работы. Окно в природу, где он находит умиротворение и покой. Не интересовался, чем и как он зарабатывает себе на жизнь, кто по профессии. Бедным его никак не назовёшь. Денег у него достаточно. Что за душой? Знает только он и его Совесть.

Довольный рыболов, изображённый на картине, держит в руках огромную щуку – награду за целый день волнений в ожидании удачи. А откуда-то сбоку тянутся к нему переломанные руки женщины, хорошо видимые в свете фар. Тело её перемолото и похоже на кусок сюрреалистической фантазии с кухни дьявола. Перебито, измято, раздавлено. Большая красивая машина с виновником аварии не сётся дальше, не остановившись, будто в неё забыли при сборке встроить тормоза. Оставляет позади себя облако выхлопного газа и лежащую на земле искалеченную жертву, попавшую под её быстрые безжалостные колёса.

Проносится мимо быстрым силуэтом. Фантомом.

Страх остановиться? Лень оглянуться? Равнодушие к случившемуся?

Откровенный цинизм хозяина жизни к человеку из толпы?

Безнаказанность, рождающая беспредел?

У водителя нет и капли жалости к чужой крови и боли.

Совесть улетает вместе с хозяином за блестящими лакированными боками машины, не оглянувшись, в раже бешеной скорости. И вот теперь, через много лет, Совесть проснулась и смотрит в упор с нарисованного мною портрета. Она – проснулась, но не в силах исправить содеянное. Как жаль, что нельзя подписать под портретом: «Человек – это звучит подло!»

Вот эту семью я помню хорошо.

Муж, жена, двое маленьких детей. Детки тихие, охотно играющие на ковре, такие же симпатичные, как их приветливая мать.

У отца мало времени для позирования.

Ему некогда. Много работы. Заботы и дела. И ещё одна семья. И ещё двое детей.

Вот они – рядом с ним. Но те, невидимые дети, чуть взрослей. Также любят отца и не знают, что он живёт на две семьи. На две лжи для других. На две правды для себя. Важная правда – для себя. Неважная ложь – для других. Всё – для себя. Остатки – для других. Похоже на сложную, полную проблем жизнь, с которой можно было мириться. До тех пор, пока этому тайному двоежёнцу не пришлось в голову заказать портрет. Теперь ему неуютно со своей Совестью, сиротливо стоящей непрошеной, нежеланной гостьей посреди двух семей. Посреди угрозы разоблачения отца семейств, нежно оберегающего свой собственный покой.

Эта пара заинтересовала меня с самого начала.

Он – высокий, стройный, с приятной внешностью и вкрадчивыми манерами мужчина. Она – красивая, с замечательно пропорциональной фигурой женщина. Запомнил же я их единственно потому, что оделись они для совместной картины как-то не совсем, на мой взгляд, подходяще. Мужчина вышел ко мне в новом чёрном фраке, атласном цилиндре и белых тонких перчатках. По всему чувствовалось, что этот наряд носить ему не с привычки. Женщина появилась тоже во фраке и таком же шикарном цилиндре, но вместо брюк на ней были только тонкие тёмные колготки. Красивые длинные стройные ноги, обтянутые тонким рисунком лайкры. На ногах – чёрные туфли на высоких каблуках. В руке – тонкий хлыст. Мужчина всё время шутил и посмеивался. Женщина не отвечала на его шутки, оставалась серьёзной. В её глазах светилась невысказанная грусть и печаль. Теперь мне понятно – почему.

Муж устроил у себя в доме бордель. И продавал богатым клиентам свою красивую жену. Одному. Двум. Трёх. Вот она стоит безмолвной тенью, растерянная и растрёпанная, среди троих обнажённых и возбуждённых мужчин. Они не понимают слова «нет». Они заплатили столько, сколько им сказали.

За деньги – развлечение. С удовольствием или без него. Без него ещё занятней.

Соппротивление всегда разжигает. Игра без правил. Насилие без границ.

Вряд ли беспокойство весёлого господина во фраке, вызванное призраком на картине, пересилит власть денег. Скорее, наоборот, количество легко заработанных денег и молчание жертвы заставят опять уснуть пробудившуюся на время Совесть.

Трудно представить себе другой исход: такова жизнь. Таковы люди. Вопрос, почему женщина остаётся в стенах насилия, задавать не имеет смысла. Ответ, кроме неё, не знает никто. И она его никому не скажет...

Многие заказчики мне отвратительны.

Отвратительна их вульгарная внешность.

Дурные манеры.

Снисходительный или командирский тон в разговоре.

Но я люблю свою работу. Я делаю её с удовольствием и страстью, даже если лицо очередного заказчика мне глубоко несимпатично, вызывает отторжение. Клиент является для меня лишь объектом работы, способом заработать деньги. При этом я испытываю огромное удовольствие от самого процесса работы. От точного переноса эмоций и выражений живого лица на холст. А главное – правдивого воспроизведения его глубинной сути. Я запечатлеваю миг жизни и оставляю этот отпечаток на многие годы.

Этот мужчина-заказчик мне запомнился сразу.

Потому что точно соответствовал своему имени – Герман. Такой же, как у Пушкина, классический Германн. Такой же, как у Чайковского.

Красивый. Волевой. Страстный.

Говорю об этом с полной уверенностью, потому что «Пиковая дама» – единственная повесть Пушкина, прочитанная мною в зрелые годы. «Пиковая дама» – единственная опера, которую я вместе с Николаем Львовичем слушал в Мариинском театре. Они оставили глубокий след в моей творческой душе. Именно поэтому я не стал искушать себя и продолжать дальнейшее знакомство с классикой. Моё свободное время было ограничено рамками информации о художниках-классиках.

Их работами.

Моими успехами.

Своего Германа я сравнил с классическим Германном потому, что других примеров для сравнения у меня не было. Но мой клиент, в отличие от пушкинского героя, был ещё и очень богат. Во время сеансов Герман-заказчик не мог усидеть спокойно. Он метался и часто вскакивал с обитых бархатом качелей, на которых позировал для картины. Его как будто что-то мучило. Не давало покоя. А может быть, это и был его настоящий характер: беспокойный, неуравновешенный, дёрганный. В то время его поведение казалось странным и непонятным. Только теперь, спустя месяцы, при взгляде на его возвращённый портрет у меня проявилась причина его тогдашнего беспокойства.

Позади сидящего на качелях Германа проявился ещё один его силуэт. Невидимый зрителю Герман кладёт подушку на лицо лежащей в кровати женщины. По возрасту она может быть его матерью. А может быть – и женой. На ней надет длинный кружевной пеньюар. Волосы разбросаны по шёлковым простыням. На прикроватной тумбочке – ингалятор. Женщина привыкла, что ей часто не хватает

воздуха при её астме. Сейчас же он ей без надобности. Решительный жест, несколько мучительных секунд – и Герман уже богат. Очень богат. Он – единственный наследник-сын или неутешный вдовец. Мне это достоверно неизвестно. Вижу только, что он – счастливчик-богач и убийца в одном лице.

Портреты окружают меня, и, если в них не вглядываться, можно подумать, что действительно попал в музей на интересную экспозицию. Модная денежная современность вперемешку с классической и порой экзотической манерой изображения. На картинах – небольшие странности, как необъяснимые прихоти клиентов, на которых те особенно настаивали.

Искусство не для масс. Только для избранных. Для тех, кто может себе это искусство позволить. Купить.

Но мне как художнику ясно видно, что может стоить это позволение. Я сумел почувствовать и отобразить ту страшную тайну, о которой знает лишь изображённый на портрете – и никто другой. Поневоле я являюсь палачом людей, которые доверились мне. Нет, неверно, я не палач. Палач находится в каждом из них – это их Совесть, которую они не смогли ни задушить дорогими подачками, ни раскаяниями в церкви.

Они так и не поняли, что Совесть купить нельзя. Ни за какие деньги. Нельзя стереть ластиком, как неправильно написанное слово. Нельзя отправить в далёкое путешествие, как поднадоевшую жену. Нельзя поменять на новую, как меняют обивку на вытершемся диване.

Мне жаль их. Себя же им, в отличие от меня, совсем не жаль. Так мне, во всяком случае, кажется.

Мы обошли с Отцом не спеша нашу экспозицию, не забыли ни одной картины и остались удивленным довольны. Но к нашему довольству примешивалось неприятное чувство, будто что-то неуловимое и непонятное не даёт нам насладиться замечательным искусством портрета. Как не даёт насладиться солнечным днём нечаянно попавшая в глаз соринка или натёртая новыми туфлями мозоль. Эту малость не видно, но она есть и мешает смотреть или двигаться.

Глазу больно, он постоянно слезится, пытаюсь вытолкнуть чужеродное тело, и омывает его слезами. Сморгнуть помеху нельзя, если она засела острым тончайшим концом глубоко внутри. Остаётся идти к врачу за помощью. Просить и ждать, пока он вернёт радость видеть без боли краски жизни.

Видимо, ко мне, как к врачу, и стремятся люди, вглубь души которых впилось острое жало Совесть. Это жало нарушило их внутреннее равновесие и причиняет не проходящую боль. Невольно я явился причиной поразившей этих людей беды, которую они навлекли на себя своими отвратительными поступками, но излечить их от неё я не в силах.

Это только в их власти и желании.

Но только в том случае, если сумеют дорасти до этой простой истины.

Сами.

Без подсказки со стороны.

Золотое правило нравственности встало перед каждым висющим на стене портретом и протянуло свои руки к Совести его хозяев: «Не делай ближнему своему ничего из того, чего ты не желаешь для себя». Услышат ли этот призыв люди, которые придут сюда через два дня? Ведь в нём – золото мудрости и залог их будущей спокойной жизни.

ГЛАВА 18

Вернисаж

Открытие Музея Совести мы назначили на пять часов вечера в один из субботних дней холодной петербургской осени. В разосланных приглашениях мы назвали открытие вернисажем. Я долго настаивал на этом названии без объяснения причины.

– Что-то не пойму тебя, Антоша. У тебя появилась какая-то идея с лаком?

– С каким лаком?

– Тебе видней. Я думал, ты знаешь, что означает слово вернисаж.

– Конечно, знаю. Не зря все твои умные книги о живописи прочёл. Слово «вернисаж» родилось во Франции и означает «покрытие лаком». Перед тем как выставить свои картины, французские художники покрывали их лаком. Для большего эффекта. Что тебя здесь удивляет?

– Ты мне не говорил, что хочешь использовать лак. У тебя появились секреты от меня?

– Секретов нет, но есть одна идея. И пока я эту идею не проверю, говорить тебе о ней не хочу.

Только из-за этой идеи я назвал открытие музея вернисажем. Да и слово красивое, притягивающее...

Не обижайся, но мне необходимо вначале самому разобраться со своей идеей.

Николай Львович улыбнулся и махнул на меня рукой:

– Ты уже давно большой мальчик. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Поступай как считаешь нужным, если понадобится моя помощь – я всегда рядом.

Петербург зарылся по самые крыши домов в поздний сентябрь. Голые деревья стояли, стыдась наготы, зябко подрагивали тонкими ветвями и кутались в воспоминания о пышных летних кронах. Загазованный воздух лежал на широких проспектах города и лениво шевелился над водой многочисленных каналов, подгоняемый игривым прохладным ветерком. Лето закончилось, до зимы далеко. Людей окружала плотная серость наступившей влажной осени.

Горожане давно вернулись из отпусков и по прохладной, сырой погоде не спешили уезжать на выходные дни в загородные дома.

Наше приглашение на вернисаж оказалось очень кстати, почти все мои клиенты с удовольствием его приняли. У каждого из них был свой, только ему известный интерес в открывающемся Музее Совести. Те, в ком проснулась Совесть, считал, что он – единственный обладатель тайны, которая жжёт и мешает жить. Название музея им категорически не нравилось, но все до единого старались скрыть эту неприязнь под маской доброжелательства. Каждый из моих гостей в глубине души надеялся на то, что из-за множества собранных в одном месте картин и людей исчезнет, наконец, выпячивающаяся из его собственного портрета болезненная короста прошлого. Они наивно думали, что она, эта кровоточащая незаживающая рана затянется сама по себе.

И – о счастье! – вдруг исчезнет!

Рассосётся под множеством доброжелательных взглядов.

Под давлением потока похвал.

Испарится от тёплого дыхания положительных энергий.

Столь наивную надежду можно объяснить только тем, что люди старались схватиться за предложенную им возможность, как за тонкую соломинку, призванную вытащить их сухими на берег из болота дурных поступков. Из болота лжи, обмана, предательства. Они видели в этом последний шанс в борьбе с собственной Совестью. Невидимая другим борьба обессиливала, утомляла, забирала энергию, давила. Люди хотели жить спокойно и весело, не оглядываясь назад на совершённые ошибки, промахи и жестокие решения. Менять себя, сегодняшнего, никому из них не приходило даже в голову. И это было их право – право успешных и богатых.

На вернисаж мы разослали более шестидесяти приглашений. Каждое рассчитано на два лица. Дети и подростки проходили с родителями или родственниками без приглашений. Мы готовились к приёму около ста пятидесяти гостей.

Для посетителей в этот субботний день Музей Совести был закрыт. Официально он начинал работать с понедельника.

Такого огромного волнения я не испытывал давно. Для кого-то другого цифра в сто пятьдесят человек могла показаться незначительной, но для меня за каждым написанным портретом стоял живой человек, облечённый определённой властью. Каждый из них, моих героев, пришёл к своей вершине, совершив неблагоприятные поступки. И вот они-то, эти поступки, протягивали сейчас свои ожившие щупальца ко мне, подрагивая от нетерпения и позванивая тусклым колокольным звоном отпевания. Мощный сгусток энергии чужой ожившей Совести зывал ко мне, как к своему открывателю, просил о помощи.

Мне было очень и очень неудобно среди оживших призраков, я чувствовал большую ответственность за свой талант, который вытащил на свет этих чудовищ. Открытие музея становилось для меня своеобразным экзаменом на аттестат зрелости и мудрости. Экзаменом на знание человеческой силы и слабости. На знание бесконечной людской подлости.

Накануне, в пятницу вечером, поужинав в небольшом ресторанчике на Садовой недалеко от галереи, мы вернулись с Николаем Львовичем в студию и с волнением обсудили завтрашний день. Перед тем как идти домой, Отец накрыл мою руку своей и сказал:

– Сынок, я уже стар. Мне далеко за семьдесят. Я много видел и пережил. За те годы, что мы вместе, я поделился с тобой всем, что умел сам. Ты меня давно перерос в профессиональном плане. Ты умён и мудр для своих лет. Много видишь, понимаешь. Умеешь анализировать и делать выводы – это важные качества в жизни. Не каждый владеет таким умением. И я рад, что всё у тебя складывается хорошо. Музей Совесть – только твоё дитя. Тобой придуманное, тобой рождённое. Возможно, ты в полной мере не предполагаешь, во что выльется твоя идея. Ты пока не знаешь, обрадует или разочарует тебя твой ребёнок. Именно поэтому завтрашний день станет для тебя большим испытанием. Испытанием на зрелость.

Помни, сынок, жизнь – самый серьёзный экзамен на свете, и она редко предоставляет возможность тянуть второй билет. Потому так важно отвечать на поставленные вопросы не только быстро, но и правильно. На второй год в институте жизни не остаются. Неправильный ответ может стоить если не жизни, то больших увечий, разочарований, горя, зря потерянных лет. Попробуй сэкономить на этом. Поэтому учись и дальше жить на белом, без черновиков.

Учись быть внимательным.

Ладить с самим собой.

Пусть нам завтра сопутствует удача. А сейчас – пойдём спать. Уже поздно, а нам ещё нужно добраться до дома...

За час до начала вернисажа двери музея впустили тридцать самых нетерпеливых приглашённых. Мы это, впрочем, предусмотрели и были готовы к приёму первых гостей уже с трёх часов дня. Можно было догадаться, что в необычный музей придут и необычные посетители, которых ни в коем случае ничем нельзя разочаровывать.

Каждый гость на входе получал бокал шампанского, сока или воды. По совету организатора вечера крепких алкогольных напитков мы не заказали во избежание нежелательных эксцессов. Решение, что встреча с искусством и крепкий алкоголь несовместимы, оказалось совершенно верным. Зато в просторной кухне для гостей были подготовлены подносы с таралетками. Они стояли на столах накрытые салфетками и ожидали своего выхода. Маленькие корзиночки из хрустящего теста были наполнены разнообразными начинками: сыром, грибами, овощами, икрой – сладкие, острые, солёные. На любой, самый изысканный вкус. Их запах невидимой вуалью струился между картинами и вызывал лёгкое возбуждение посетителей: хороша ли еда? На подходящем ли уровне?

Гости заходили, оставляли на входе верхнюю одежду, брали напитки и растекались двумя ручейками по галерее: один поток людей – туда, другой – обратно, и вновь по кругу.

Они внимательно осматривали каждую выставленную картину. Приближали лицо то очень близко, то отходили от портрета подальше.

Стояли, покачивая головами.

Поджимали губы или растягивали их в улыбке.

Молчали или роняли несколько слов своему спутнику.

Спутнице.

Выражали искреннюю заинтересованность.

И только мы с Николаем Львовичем знали истинную подоплёку каждого внимательного взгляда, брошенного на картину.

Время от времени гости подходили ко мне, мы вежливо беседовали. Затем приближались другие и переводили разговор на свою персону. Всё шло так, как и положено на художественной выставке. Над головами висел плотный гул голосов, изредка прерываемый всплеском смеха. Смех умолкал, чтобы возникнуть вновь в другой части музея.

– А у вас здесь очень здорово, Антон Петрович. Мне нравится.

Обернувшись, я увидел Варю, стоящую с бокалом шампанского в руках. Она, кажется, ещё больше похорошела со времени её визита в галерею. Мне показалось, что та наша встреча произошла вечность назад.

– Варенька! Как хорошо, что ты тоже пришла. Но я тебя как-то не заметил в самом начале вечера. Ты с дядей?

– Нет, я приехала позднее. Меня даже пускать не хотели без приглашения. Вы забыли включить моё имя в список гостей.

– Я дал организаторам вернисажа список непосредственных заказчиков, чтобы они пригласили их с жёнами или мужьями. Про племянниц я как-то не подумал. Прости. После твоего звонка я бы прислал тебе приглашение отдельно. Как жаль, что ты не позвонила...

Настроение у меня было приподнятое, так почему не сказать хорошенькой девушке несколько приятных слов? Её появление удивило и обрадовало меня. Подняло уровень счастья ещё на один градус.

– Антон Петрович, а у вас этот музей теперь будет открыт каждый день? И почему у него такое странное название? Нельзя ли было назвать его как-то попроще, ну, хоть «Музей портрета» или «Музей лиц»?

– Все мои клиенты положительно отреагировали на это название, поэтому мы его оставили. Знаешь, Варя, мне прямо неловко. Почему бы нам не перейти на «ты»? Я ведь не настолько стар, чтобы ко мне обращаться по имени-отчеству. Во всяком случае, не хорошеньким молодым женщинам.

– Ой, с удовольствием! Только нужно взять ещё шампанского и выпить на брудершафт.

У моей знакомой оказалось игривое настроение, но мне стало не по себе. Я – хозяин вечера, и пить на брудершафт на глазах публики с одной из приглашённых, вернее, даже НЕ приглашённых не позволял статус. Пришлось быстро придумывать отступной манёвр.

– Варенька, и я выпью с тобой с большим удовольствием. Но давай отложим брудершафт. Не хочу, чтобы все мужчины стали мне завидовать. Подожди, пока публика немного схлынет. Надеюсь, у тебя достаточно свободного времени? Ты никуда не торопишься сегодня вечером?

– Нет, не тороплюсь. И завтра – тоже. Да-да, я охотно подожду, но не очень долго. А-а-а, конечно, до встречи.

Варя вежливо улыбнулась и отошла, уступая место возле меня очередному заказчику, горящему нетерпением поговорить. С его приближением на меня обрушился запах дорогого одеколona, смешанный с крепкой неприязнью.

– Антон, ты уже давно обещал мой портрет отреставрировать. Он у тебя находится больше года, а теперь ты вывесил его ещё и в своём странном музее. Музей – это же лавка древностей, а я пока живой и не такой старый, чтобы вечно тут висеть.

Мужчина рассмеялся собственной шутке. Допив шампанское, он поставил бокал на поднос подошедшему официанту и взял новый.

– Насчёт музея позвольте с вами не согласиться. Он – не лавка древностей, а собрание художественных портретов. В отправленном вам письме я сообщил, что потребуется время, чтобы разобраться с произошедшей метаморфозой. Вы мне дали на это согласие. И разрешение на то, чтобы поместить картину в музей.

– Ну, давал. Помню.

– Вы уже её видели здесь? Нравится ли место, где она висит?

– Видел. Нравится. Но я хочу, чтобы она висела у меня дома. Когда её можно отреставрировать? Или, может быть, это сумеет сделать другой художник?

– Не уверен, что кто-то другой сможет вам помочь. Я ведь так и не вижу тех пятен, что видите вы. И мне это, по меньшей мере, странно. Давайте пройдем к портрету и посмотрим. А вы мне объясните, какого рода пятна вы видите. Где конкретно, какого они силуэта, размера, цвета. Мне нужно знать всё, что знаете и видите вы. В вашем письме такие детали не были указаны. Идёмте же!

Я специально провоцировал заказчика, чтобы он, а не я, почувствовал себя неуверенно. Я-то давно знал, что именно видит он на своём портрете, что его тяготит и от чего он хотел бы избавиться. Мне стало интересно, попадёт ли он в расставленную мною простейшую ловушку. И главное, захочет ли раскрыть своё второе дно, открыть постороннему человеку вход во врата своей Совести.

– Ну, это не обязательно. Если ты... вы не видите пятен, то тогда я ещё подожду... Не обязательно подходить к картине, всё в порядке... Хорошего вечера, встретимся.

Мужчина сконфуженно повернулся, взял стоящую рядом женщину под локоть и, не говоря ни слова, повёл к выходу, по пути поставив пустой стакан на поднос официанту.

Проводив взглядом недавнего собеседника, я увидел спешащего ко мне старого знакомого – Артёма Назарова. Моя неприязнь к нему давно исчезла, уступив место снисходительному равнодушию.

– Слушай, старик, ну, здорово! Молодец! Спасибо тебе! Можно, я прямо сейчас заберу портрет с собой?

Вся его фигура выражала восторг, а маленькие, заплавленные жирком глаза светились неподдельной радостью.

– Не понимаю. Почему ты хочешь забрать портрет? Объясни толком.

– Да ты что, как не понимаешь?! Почему не сообщил, что ты его отреставрировал?! С него все пятна исчезли! Как это тебе удалось? Ну, молоток, то есть молодец!

Чуть воровато оглянувшись по сторонам, он облегченно повернулся ко мне в уверенности, что никто из присутствующих важных господ в строгих дорогих костюмах не услышал не подходящее обстановке слово. Слушая Артёма, я отлично понял, о чём он говорит.

Перед самым вернисажем я проделал с его картиной маленький эксперимент, о котором не сказал даже Николаю Львовичу. И теперь, глядя на довольную физиономию Назарова, понял, что опыт удался. Чтобы убедиться в этом воочию, я охотно пошёл вслед за Назаровым. Он вёл меня напрямиком к своему портрету.

Люди, стоящие вокруг, слышали наш разговор и, повинувшись обычному человеческому любопытству, с интересом смотрели на нас. И когда Артём потянул меня за собой, несколько гостей пошли вслед за нами. Пройдя мимо разговаривающих, жующих и пьющих людей, Артём остановился около своего портрета и с радостным восторгом вновь обратился ко мне:

– Ну вот, смотри: ни единого пятнышка не осталось. Не знаю, как ты это сделал, но я очень рад. Получишь за хорошую работу премию, как я и обещал. Когда можно забрать картину?

Я молча слушал Артёма и одновременно рассматривал свою работу, пытаюсь найти на ней следы недавнего кровавого душа. Ничего. Ни единого красного пятнышка, так отчетливо видимого ещё совсем недавно. Всё исчезло и не оставило после себя даже небольшого напоминания, царапины, тени. Передо мной висел тот самый портрет, который я отдал много лет назад его владельцу в Анапе, – чистый и не омраченный муками его Совести.

Замешательство уступило место новым чувствам, и я теперь уже не знал, радоваться или печалиться результатам своего опыта. Дальнейших возможных метаморфоз с картиной я предположить не мог.

– Да, Артём, я рад, что тебе нравится. Картина пусть повисит немного, пока свежий лак подсохнет. Я придумал новый рецепт лака специально для твоей картины и нанёс его накануне вернисажа. Так что не будем торопиться – ему нужно время для высыхания. Картину получишь через две недели. Когда она полностью высохнет, я отправлю её почтой.

– Ну уж нет, я приеду сюда через две недели и заберу свой портрет собственноручно. Вдруг он где-нибудь на почте задержится или, не дай бог, затеряется, не хочу рисковать... Вот так удружил, кореш, спасибо!

Довольный, Назаров развернулся на каблуках, подхватил худенькую жену под руку и отправился с ней к выходу. Долгожданный вечер встречи с собственной Совестью закончился для него счастливо. Каким-то образом он сумел запереть её обратно в тёмный чулан. Надолго ли?

В чудесное «исцеление» картины посредством лака я сам до конца не очень-то верил. Трудно сказать, почему, но меня не отпускало чувство, что лак – это совсем не тот путь, который может привести к успеху.

Во время нашего недолгого разговора вокруг меня собрались чуть ли не все пришедшие по приглашению гости. Они встали вокруг плотным кольцом и с любопытством поглядывали в мою сторону, тихо перешёптываясь, затем разошлись по залам.

И только когда я остался один, то понял, что каждый из них вернулся к своей картине с надеждой, что и с ней произошла такая же счастливая метаморфоза: портрет оказался отреставрированным.

Грозные пятна исчезли.

Ненавистные тени растворились.

Призраки ушли, наконец, в прошлое.

Но их надежды не сбылись: проснувшиеся муки Совести по-прежнему протягивали к своим хозяевам длинные цепкие пальцы.

Разочарованные, гости стали расходиться. Остались те, у кого ещё нашлось время, кто не был столь нетерпелив, наиболее любопытные и толстокожие. Они знакомились друг с другом, переговаривались, переходили от портрета к портрету, изредка поглядывая сквозь стёкла на ярко освещённую улицу.

После радостного откровения Назарова Николай Львович подошёл ко мне и спросил глазами: что это всё значит? Он пропустил нечто важное?

– Не сейчас, Отец. Потом. Я тебе всё объясню потом. Ещё сегодня вечером.

Он понимающе кивнул, а я, подхватив два бокала с шампанским, отправился к стоящей в сторонке Варя. На её плечи была накинута коротенькая шубка. Девушка, видимо, собралась уходить.

– Вот и я. Мы можем теперь выпить на брудершафт. Если ты, конечно, не передумала.

– Нет. Не передумала.

Она взяла из моих рук один из бокалов, скрестила свою руку с моей и осушила бокал до дна. Затем приблизила свои губы к моим и слегка поцеловала. На меня пахло лёгким ароматом свежей клубники, настоящей на белом вине.

– Тебе понравилась презентация?

– Понравилась. Было вкусно.

От такого откровения я слегка оторопел. Что это – шутка? Ирония? Скорее всего. Такая красивая и образованная девушка не ходит на презентации для того, чтобы только поесть.

– Не сомневаюсь, что вкусно. А ты видела картину своего дяди?

– Но ты же рисовал не его самого, а его жену с ребёнком. И эта картина висит у них в зале. Очень хорошо смотрится. И рама подходит под интерьер.

– Да-да, конечно. Я как-то забыл, что писал его домочадцев. Всё так и есть. Сегодня я пригласил очень многих клиентов, с кем работал эти годы. Их у меня столько, что можно позабыть детали...

– Ты мне не ответил, почему назвал свою бывшую галерею так странно. Неужели нельзя было придумать что-нибудь современной? Художественная выставка, например... И зачем вообще тебе понадобилось галерею переименовывать в музей?

Разговаривая, Варя скинула с плеч свою шубку и положила на изогнутую спинку красивого венецианского стула, стоящего у стены.

– Это не картинная галерея, потому что выставленные картины не продаются. Каждая из них закреплена за законным хозяином. Художественные выставки предназначены для временного показа произведений. А я хочу свои картины показывать до тех пор, пока их владельцы мне позволят. Вот отсюда и возникло слово «Музей». Музей – многозначное понятие. В музеях собирают, хранят, изучают и выставляют произведения искусства. Поэтому определение «Музей» как нельзя лучше подходит к этому проекту. Как только я разберусь...

На последнем слове я запнулся, потому что понял, что красота девушки, возбуждение от множества гостей и выпитого шампанского могут сослужить мне плохую службу.

Варя – не ямка, а я не раб короля Мидаса, чтобы шептать в эту ямку известную только нам с Николаем Львовичем тайну. Именно в эту минуту мне стало понятно, как может отягощать знание чужих секретов. Стоит мне только раскрыть рот и намекнуть, что я вижу на портретах, вывешенных по стенам моего музея, так тут же меня будет ожидать участь того самого легендарного раба: смерть. Поэтому мне следовало быть весьма и весьма осторожным в своих высказываниях. Видимо, самопровидение остановило поток невольного и ненужного красноречия.

– Алё, Антон, так с чем ты хочешь разобраться?

На меня смотрели внимательные, подёрнутые насмешливой плёнкой любопытства, замешанного на шампанском, красивые голубые глаза.

– Мне нужно проверить лак, который я придумал. Это очень интересно для меня, но совсем не интересно для такой красивой девушки, как ты. Лучше расскажи о себе. Ты где-то учишься или работаешь? Ведь я о тебе ничего не знаю.

– Заканчиваю экономический факультет университета. Буду работать у дяди в конторе, он уже для меня хорошее местечко подготовил. Вообще-то здесь не место говорить по душам. Вон, опять к тебе идут заказчики. Так что я лучше поеду домой. Спасибо за приём. Заскочу, когда буду в ваших краях. Если не возражаешь.

– Конечно, заходи. Мы с Николаем Львовичем будем очень рады видеть тебя. Но особую радость ты доставишь своим посещением, конечно, мне.

Я помог Варя надеть невесомую шубку и махнул рукой, прощаясь. Ко мне уже подходил солидный полный господин, одетый в модный серый костюм. Тёмно-бордовый с искрой галстук притягивал взгляд к его широкой развёрнутой груди. Я вспомнил, каких призраков отображал портрет подошедшего ко мне мужчины. У него в прошлом была история с утопленником. То ли он помог кому-то

утонуть, то ли из-за него кто-то утонул – мне об этом не было известно. Но ему – наверняка. И эта трагическая смерть не давала, видимо, жить его Совестью спокойно.

– Антон, а почему ваш музей называется с такой претензией? Вы что, через эти портреты хотите воззвать к совести людей, изображённых на них?

На меня смотрели, не мигая, умные глаза средних лет мужчины. Взгляд его был тяжёлым и пригибал к земле.

– Ну что вы, какая претензия! Мне хотелось просто надеть побольше шума в городе. Привлечь новых заказчиков и разбудить интерес у остальной публики. Вы же понимаете, что чем непонятнее название, тем больше интерес. У меня на выбор были три варианта, но этот оказался наиболее интересным.

– Неужели вам не хватает клиентов? Я думал, вы достаточно известны...

– Клиентов никогда не бывает слишком много. Вы, как бизнесмен, это знаете лучше меня.

– Да, конечно... Скажите, с полчаса назад тут один мужчина сказал, что у него с картины исчезли все пятна. Значит, вы нашли всё же рецепт восстановления картин? Ведь не у меня же одного из-за ваших некачественных красок проступили пятна плесени или чего там ещё, не знаю...

– Понимаете, Константин, – я, наконец, вспомнил его имя, – у каждой выставленной здесь картины только свой, присущий ей дефект. Картины писались в разных условиях разными красками. И в квартирах, и на озёрах, и у костров, и так далее. Ваш портрет я писал в саду недалеко от пруда. Разная влажность воздуха, температуры, многие другие факторы могли сыграть роль в том, что картина получилась в итоге с небольшим дефектом. Но вот парадокс – дефект, по вашим словам, есть, но я его не вижу. Вы – единственный, кто это видит. И всё же, несмотря на это, я ищу возможность исправить эту неприятность для вас. Скажу откровенно, это очень сложно. Почти так же сложно, как искать чёрную кошку в тёмной комнате. Так что дайте мне, пожалуйста, ещё немного времени. Вы же видите, с одним портретом у меня получилось, наверняка получится и с вашим.

– Ну, хорошо. Я подожду. Разрешите задать последний вопрос.

– Конечно.

– Скажите, портреты, выставленные сегодня здесь... Они, ну, у них всех есть пятна, подобные моим?

Мне понадобилась всего секунда, чтобы ответить без запинки. Это был пятый или шестой человек, задающий подобный вопрос. Ещё перед открытием я догадывался, что вполне могу его услышать, и заранее подготовился.

– Нет, кроме вашего, у меня всего три портрета, хозяева которых указали мне на плохое качество красок. Другие картины выставлены в музее лишь на некоторое время. Их владельцы или переезжают, или делают ремонт, у кого-то уже есть портреты, поэтому они охотно предоставили эти работы для вернисажа. В качестве поддержки. Вы же понимаете, что художнику даже моего уровня трудно прожить без финансовой и дружеской поддержки обеспеченных людей. И я благодарен заказчикам за то, что они пошли мне навстречу. Их содействие для меня в данном случае оказалось важнее денег.

На лице Константина проступило явное облегчение после моего объяснения. Неопределённо кивнув головой, он отошёл от меня и направился к висящей недалеко картине.

Ложь далась мне нелегко, но она защищала от непредсказуемых поступков владельцев картин, их потенциальной агрессии, которая могла бы проявиться вместе с правдой о существующем положении вещей. Вынужденной неправдой я не делал никому зла, зато охранял свою жизнь, благополучие моей семьи. Этим объяснением я в очередной раз успокоил себя.

Презентация закончилась только к часу ночи. Я не понимал, что же так долго удерживает здесь людей: картин было не так много. Места – тоже. Бесплатные еда и напитки – не повод задерживаться в музее до полуночи. Без танцев и веселья. Впрочем, можно было догадаться, что у каждого пришедшего на наш праздник была своя цель, о которой знал только он.

Закрывая музей, я довольно улыбался: в общем и целом презентация прошла неплохо. Мне удалось организовать встречу клиентов с их собственной Совестью и одновременно не подставить под удар себя, невольно выдав их тайны. Первый шаг был сделан. Оставалось только ждать, что же последует дальше.